

НАШЕ ДУХОВНОЕ
БОГАТСТВО

СОВЕТСКАЯ

ДАЛЕКИЙ ДЕНЬ—
ДЕНЬ БЛИЗКИЙ

Редакционно-издательский отдел Всесоюзного театрального общества подготовил к печати сборник «Николай Черкасов». В нем впервые собрано литературное наследие Н. К. Черкасова. Наряду с «Записками советского актера», статьями и речами артиста в сборник войдут многочисленные воспоминания о нем. Среди авторов — Н. Тихонов, Ю. Толубеев, А. Борисов, Г. Товстоногов, Л. Рахманов, И. Хейфиц, В. Катанян, Е. Кибрик, П. Марков, Л. Любашевский, Ю. Солнцева, С. Цимбал, Ю. Свирин, зарубежные мастера театра и кино. Воспоминания Б. Чиркова, которые входят в этот сборник, с некоторыми сокращениями предлагаем вниманию читателей.

Наверно, не раз писатели и поэты силою своего воображения заново создадут картины юности нашего государства. И, читая их, люди станут удивляться необыкновенному течению нашей жизни, замечательной судьбе нашего поколения, страстной его одержимости и глубокой вере в то, что «...мы новый мир построим...», и не когда-нибудь в будущих веках, а теперь же, еще пока мы живем на земле...

Конечно же, такие сочинения появятся.

А вместе с тем даже и неловко сказанное слово современника дорогого стоит, потому что оно свидетельствует о непосредственном участии минувшей эпохи, это как бы вещественное доказательство, принесенное с самого места происшествия.

Может быть, и что-нибудь из того, что сохранилось в моей памяти, ляжет песчинкой в памятник великому времени нашей молодости.

Повсюду, к чему бы мы тогда ни отосылились, открывалось нам небывалое, небывалое для нас, для людей, для всего мира.

Конечно, и до нас рождалась на земле девочка и мальчишки, и до нас радовались они молодости и жизни, мечтали о подвигах, надеялись, что придет время правды и счастья. Но они только мечтали об этом, а мы стали юношами и девушками тогда, когда эти фантазии становились действительностью. Подвиги совершались рядом с нами и часто нашими сверстниками.

А мы, человек полтора студента только что учрежденного Института сценических искусств, считали, что на наши плечи ложится обновление и переделка всего театрального искусства страны.

И хоть и замахнулись на непосильное, хоть и не успели сделать того, о чем мечтали, но, право же, в том, как становился советский театр и во что он вырос, есть приметный вклад бывших студентов ИСИ, прежних моих товарищей.

Только в середине двадцатых годов выпустил институт подряд: Николая Симонова, Ольгу Казику, Василия Меркурьева, Юрия Толубеева, Виталия Полипеймако, Игоря Савченко, Фирса Шишигина, Бориса Смирнова — людей разных дарований, разной судьбы, но каждый из них написал свою страничку в истории советского актерского искусства. Это был щедрый урожай талантов, которые проросли в разных концах страны, но собрал их и вырастил наш институт...

И если многие из нас долго сомневались в правильности выбранного пути, мучались днем и ночью, приме-

ряя себя к другим профессиям, Черкасов, как я понимаю, решил на актерство сразу и бесповоротно. Были и у него терзания, огорчения и разочарования, как у всякого художника, но дорогою свою в жизни он выбрал, не колеблясь, и никогда не раскаивался в своем выборе. И это была большая удача и его самого, и его будущих зрителей.

Голос, особенно в молодости, был у него грудной, глубокий, большого диапазона, и управлял он им весьма ис-

Борис ЧИРКОВ,
народный артист СССР

кусно. В студенческой комнате, сам себе аккомпанируя на пианино, он охотно пел хващливую арию Фарлафа. Может быть, в оперном театре она бы и не прозвучала в полную силу, но в нашем небольшом зале голос Черкасова звучал и переливался так, как будто бы самый воздух вокруг слушателей становился густым и упругим.

В тюзовском спектакле «Дон Кихот», охраняя сон Дульцинеи, он пел серенаду. Это была настоящая музыка: мягкий, обаятельный голос заполнял весь зал.

А в фильме «Депутат Балтики» всю роль он провел на срывающемся, иногда даже визгливом фальцете.

Ростом, как говорят, бог его не обидел. А он превосходно понимал и чувствовал и особенности, и преимущества своего сложения. Не только во всякой роли, но и в каждой сцене он прежде всего изобретал своему герою своеобразную манеру движений. И всякий его персонаж двигался не только по-своему, но всегда четко и выразительно.

Наверное, впервые стал он приучаться к этому в мимансе Мариинского театра, где довелось ему побыть какое-то время и где прошел он настоящую школу театральной пластики. Он твердо усвоил немногое смешной для нас, драматических актеров, условный язык балета.

Не знаю, долго ли пробыл Черкасов в мимансе знаменитого оперного театра, но это была превосходная школа для будущего артиста драмы. К его собственному, врожденному чувству сценической пластичности прибавилось и наблюдение за творчеством выдающихся танцовщиков, и уроки участия в их спектаклях. Громадная сцена Мариинского театра диктовала молодому талантливому миму и четкость движений, и выразительность всякой позы. И, конечно же, эти балетные впечатления

припомнились ему и в «Александре Невском», и в «Иване Грозном».

Черкасов пришел в театральный институт не как большинство из нас, являвшихся просто материалом для будущих деятелей сцены. Он пришел человеком со своим пониманием актерского искусства и уже с некоторым учением и опытом. Но знание театра было у него чисто практическим. Он никогда не вмешивался в теоретические рассуждения и споры, которые так любили затевать те из нашей братии, которым легче давались разговоры о театре, чем само театральное творчество. Черкасов был исключительно, по преимуществу актером.

Он играл или пытался играть всякую минуту своей жизни, в любом месте и во всякой обстановке. То репетировал новую роль, то отделял старую, то рассказывал анекдот в лицах, изображал кого-нибудь из знакомых, разыгрывал какую-нибудь сценку или предавался воспоминаниям, но в любом и каждом собеседнике он искал зрителя, перед которым ему нетерпелось выступить.

В годы учения он удивлял нас необыкновенным врожденным и старательным воспитываемым в себе чувством пластичности, выразительности актерской

фигуры на сцене.

Потом я с Черкасовым был принят в Ленинградский тюз. Каждый из тех, кому посчастливилось жить и трудиться в нем, а особенно в двадцатые годы, помнят и это время, и театр, и своих товарищей самыми теплыми словами. Тюз был не только местом нашей работы. Он был и школой молодых актеров. Нас обучали там не только мастерству нашей профессии, учили думать, любить свое дело, а больше всего настаивали быть гражданами и помнить, что трудимся мы не для себя, а для людей.

Черкасов начал свою карьеру с того, что стал изображать пеня старого дерева. Длинные его ноги и руки так выразительно представляли колеблющиеся ветви и узловатые корни, что корявый пеня в сцене, где он участвовал, становился главным действующим лицом, оттесняя на второй план персонажей человеческого и животного мира.

Но в общем-то эти первые появления на сцене, в виде ли пня в сказке «Догоним солнце», или обезьяны в «Похитителе огня» — это были пробы, примерки к профессиональной работе после театрального института, а уже ждала его роль, на которую с удовольствием прочли его и автор пьесы А. Я. Бруштейн, и ее соавтор и режиссер будущего спектакля Б. В. Зон.

«Дон Кихот» и не мог идти в Тюз без Черкасова. И не затевали бы это представление его авторы, если бы не видели в молодом актере прямо рожденного для этого образа исполнителя.

Дон Кихот в прелестном, нарядном, музыкальном спектакле Тюза был показан детской аудитории, как забавный чудак, какой-нибудь там трюкацкий брат маршаковского «рассеянного человека», а не как трагический образ искателя добра и истины.

Но ежели он был беднее по внутреннему содержанию, то по рисунку роли, по внешнему сходству это был настоящий Рыцарь Печального Образа. Каждое его движение, всякая поза были стилизованы, условны, но они рисовались художником, который прекрасно чувствовал и понимал свою задачу. И если в некоторых эпизодах он не столько жил Дон Кихотом, сколько танцевал Дон Кихота, то в то же время этот образ уже был созданием актера драмы. В нем были и лиричность, и трагичность, которые, несмотря на эксцентрическую внешность Рыцаря, заставляли возбужденную, темпераментную аудиторию театра замолкать и всей душой сочувствовать обиженному и осмеянному герою либо, не шелохнувшись, вслушиваться в ночную серенаду, которую пел этот добрый и чудакотый старик своей даме сердца. Было это почти смешно, а в то же время слезы невольно набегали на глаза.

Конечно, никто тогда не знал, что это был первый эскиз образа, с которым актер не расставался потом всю жизнь, и не только буквально. Черкасову довелось играть Дон Кихота во взрослом театре и сниматься в кино, но ведь и самое сильное и дорогое, что он создал, образ Полежаева, тоже несет в себе черты этого благородного борца за правду и человечность.

Лишь через несколько лет, уже в звуковом кино, я неожиданно узнал Черкасова как актера глубочайшего проникновения в душу своего героя. Я узнал художника, удивительно тонко и верно представлявшего нам сложный душевный мир русского интеллигента, честного, благородного, на склоне своих лет безоговорочно, горячо и искренне принявшего революцию.

Три с лишним десятилетия живет и радуется людей эта картина. В который уже раз глядя на ее недавно, и снова до слез взволновал меня замечательный образ ее героя. И припомнился далекий день, когда я впервые смотрел «Депутата Балтики» в пустом почти зале Ленинградского дома кино, где, кроме меня, сидели еще пять человек, и среди них Черкасов, притихший, как будто бы удивленный тем, что он сам создал.

Я люблю театр и кино. Меня трогает и увлекает искусство актеров с такой же силой, как и большинство зрителей. Множество спектаклей и фильмов перевидел я и пережил за свой век. Очень многие нравились мне, заставляли задумываться, смеяться и брали за сердце. И все же какой ни есть я добросовестный зритель, а полное забвение самого себя, полное принятие на себя всех радостей и печалей героев представления бывало редко, пожалуй, мог бы перечислить эти случаи по пальцам. Но всякий раз это были минуты радости и счастья оттого, что становился участником чуда искусства, совершавшегося у меня на глазах, оттого, что талант мастера открывал мне в мире еще неведомые, не замеченные мною стороны человеческой души. И великая благодарность художнику оставалась в сердце на долгие годы.

Вот это я и испытал тогда, в пустом зале. И еще удивление, что человек, которого я знал в повседневной жизни и давно, и близко, вон тот самый, что тихо сидит через три стула от меня, что он и есть создатель этого настоящего чуда.